

Этот день не забыть никогда

Рассвет 22 июня 1941 года...
На востоке начало синеть небо,
в реке плескалась рыба –
ничто как будто не предвещало беды...

Начальник пограничного отряда И.М. Горбатюк вспоминал: «На пограничных заставах жизнь шла своим привычным чередом, всё так же зорко всматривался в противоположный берег часовой на вышке, бесшумно продвигались по знакомой тропе пограничные наряды, внимательно осматривая контрольно-следовую полосу. На погранзаставах бойцы заметили двигающиеся с запада к границам Родины мерцающие звездочки. Что-то непонятное и зловещее было в их приближении. Вскоре стал слышен гул моторов, и вот над головами пограничников полетели самолёты с чёрными крестами на крыльях. Что это – война?! В подтверждение этому вдруг ожил весь западный берег. Над головами пограничников пролетели первые снаряды, раздались оглушительные разрывы. Запылали пограничные казармы, склады, хозяйственные постройки. Линейные заставы Белорусского пограничного округа в 3.30 подверглись сильному артиллерийскому и минометно-пулемётному обстрелу. <...> Под прикрытием своей артиллерии немецко-фашистские войска начали форсировать пограничные реки. От западного берега в возрастающих количествах отплывали лодки и плоты с пехотой, на советскую территорию начали выбираться плавающие танки немцев, которые двинулись на восток, выходя к основным магистралям и дорогам. Для уничтожения пограничных застав были выделены специальные отряды автоматчиков. Враг обходил сражающиеся заставы, полностью окружал их, но сломить сопротивление мужественных людей не мог. Стойкость пограничников, их массовый героизм нарушали планы германского командования, которое выделяло на подавление пограничных застав только тридцать минут, а советские пограничники держались до нескольких суток. Заставы сражались до последнего защитника и патрона. <...> 87-й Ломжинский

↑ Анастасия Николаевна

пограничный отряд, штаб которого находился в городе Ломже, в составе пяти комендатур и 19 застав насчитывал 2131 человека и охранял участок границы протяжённостью 141,3 км».

Вот как описывает этот день жена лейтенанта Слюсаренко Анастасия Николаевна:

«21-го июня мы с мужем были на офицерском балу, посвящённом выпуску младших лейтенантов. Домой вернулись поздно. Иван не успел раздеться, вдруг за ним прибежал посыльный. Иван ушёл в парадной форме, без объяснений, без прощания».

Об этом офицерском празднике оставил свидетельство Владимир Алексеевич Гречаниченко, начальник штаба 94-го кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии.

«21 июня 1941 года командование 6-го кавалерийского корпуса устроило вечер, посвящённый выпуску младших лейтенантов. На него был приглашён командный состав всех воинских частей, дислоцировавшихся в г. Ломжа. Вечер продолжался до поздней ночи. Танцевали, веселились. <...> Примерно в 3 часа 30 минут мне на квартиру позвонил дежурный телефонист полка и сообщил, что объявлена боевая тревога, но со странным дополнением:

“Быть в полной боевой готовности, но людей из казарм не выводить”. При входе в военный городок я встретился с командиром полка подполковником Н.Г. Петросянцем, тоже поднятым по тревоге. По пути в штаб мы обменялись мнениями о странной боевой тревоге. <...> Время приближалось к 4 часам утра. Вот-вот должно было появиться солнце. Вдруг мы увидели большую группу самолётов, летевших с востока. Затем со стороны города послышалось несколько артиллерийских выстрелов. Не понимая происходящего, мы обменивались недоумёнными замечаниями. Всё стало на свои места, когда на городок посыпались фашистские бомбы. Удар с воздуха по городку был комбинированным. После массовой бомбардировки налетели вражеские истребители прикрытия, расстреливая из крупнокалиберных пулемётов выбегавших из казарм бойцов и командиров, коней, привязанных к коновязям. Здесь и высветлился смысл фразы из распоряжения о боевой тревоге: “людей из казарм не выводить”. <...> подобное мог сделать диверсант, подключившись к телефонным линиям, открыто проходившим по городской улице».

В четыре часа 22 июня гарнизон Ломжи подняли по тревоге, когда началась бомбёжка города. Батальонный комиссар Я.И. Земляков пришёл в дом, где жили семьи комсостава, и приказал женщинам: «Собраться во дворе штаба. Вещи с собой не брать». На аэродроме в Ломже стояли 29 новеньких самолётов, но семьи офицеров не успели улететь – самолёты уничтожила немецкая авиация.

У Анастасии Слюсаренко на руках были маленькие дети: шестинедельная Танюшка и годовалый Гена. Женщина выбежала с детьми из дома, захватив документы. Вокруг всё рвалось и горело. В городе началась паника. Семьи посадили в поезд, следовавший в Волковыск. И вдруг – бомбёжка. Состав загорелся. Крики, все

Белорусские пограничники

Лейтенант
Слюсаренко

куда-то бегут. Анастасия прижалась в угол вагона, сжалась в комок и оцепенела. В «люльке» из соломы лежит Танюшка, рядом – прижавшийся к ней Гена. Пробегавший мимо советский офицер увидел испуганную мать и малышей и силой вытолкнул Анастасию из вагона. Добежали до шоссе. Кидаясь от машины к машине, женщина в отчаянии молила: «Миленький, возьми меня с собой в Россию!». Но никто не обращал на неё внимания. Один военный с силой толкнул женщину в сторону, она покатилась по насыпи вниз, не выпуская детей из рук. «Это конец», – лихорадочно билось в голове. Она, жена офицера, в чужой стране, оккупированной немцами! И вдруг Анастасия вспомнила про документы. Вырыла железякой ямку и закопала документы. Обессиленная от навалившегося горя, пошла с детьми, не зная куда. Измождённые, голодные, грязные, они оказались в польской деревне Воля. Анастасия постучала в дом на окраине.

Хозяйку звали Эмилией. Она оказалась добрым человеком и приняла беженцев в свою семью, выдав за своих родственников. Деревня была оккупирована немцами. Фашисты наведывались в дома. Никакого подозрения «семья» Эмилиии не вызвала. Тася начала подрабатывать: кому постирает, кому уберёт. Потом устроилась на хладокомбинат, который располагался за селом. Каждое утро она обходила дворы, где хозяйева держали коров, собирала молоко и носила его на завод. Неся тяжёлую ношу, мысленно разговаривала с Иваном. «Ванечка, у нас всё нормально, дети

сыты и согреты, только сердце сильно болит. Где ты, мой любимый? Скоро ли наступит день, когда мы будем вместе?». Крупные слёзы катились по щекам, вытереть их было нечем – обе руки заняты бидонами с молоком.

В ноябре 1944 года Красная армия успешно наступала. Это время было вовсе не лёгким для жителей. Немцы перед отступлением издевались над мирным населением. Однажды Тася с детьми спряталась в канализационном колодце. Задвинув люк, сидели тихо. Вдруг люк открылся: сверху на них смотрел немец с автоматом на груди. Анастасия прижала детей к себе, а сама смотрела на немца. Их взгляды встретились. Женщине казалось, что фашист сейчас бросит гранату, но он вынул из кармана три коробки с шоколадом и, бросив им, ушёл. Настя сначала попробовала сама, потом дала лакомство детям. Просидели в колодце до конца бомбёжки.

И вот, наконец, освобождение! В ноябре 1943 года Анастасия с детьми вернулась в Ульяновск. Гена подрастал. С войны возвращались солдаты, среди них были калеки из госпиталей. Каждый раз друзья бежали к Гене сообщить, что в пивной появился солдат с рюкзаком, и мальчишка летел туда, а сердечко билось, как у пойманного зайчишки: «А вдруг это папа?» Он не помнил своего отца, но лицо на семейной фотографии не спутал бы ни с чьим. Забежав в пивную, Гена всматривался в лица солдат в надежде, что сегодня они встретятся – сын и папа, но каждый раз возвращался домой один. Горькие слёзы

катились по детским щекам. Мальчик размазывал их по лицу тыльной стороной ладони, тихо разговаривая с отцом: «Папочка, миленький, приезжай, мы тебя ждём и любим!»

Анастасии Николаевны не стало в марте 2010 года. Несколько месяцев она не дожила до того момента, когда стала известна судьба её супруга. К 65-й годовщине Победы были открыты немецкие архивы по концлагерям...

Вернёмся в первые страшные часы 22 июня 1941 года. Ломжа была на стыке Белостокского выступа, в виде треугольника, и оказалась как бы в мешке. Попытка немцев с ходу прорваться к Ломже не удалась. Казаки спешили и, заняв оборону на широком фронте, вступили в бой. Несмотря на превосходство сил врага, они отразили все его атаки, отбрасывая немецкую пехоту огнём и контратаками с саблями. Непосредственно у Ломжи вёл бой танковый батальон дивизионного 35-го танкового полка. Здесь сражался и лейтенант Слюсаренко. Не погиб он и в Белостокском котле – с оставшимися бойцами прорывался к Барановичам. Но немцы уже взяли город в кольцо. Тяжело раненный, Иван Слюсаренко 2 июля 1941 года был пленён. На форме – петлицы офицера Красной армии. 30 июля под номером 201494 он оказался в немецком концлагере Офлаг-62 в Хаммельбурге. 27 октября 1942 года лейтенант был передан в гестапо и расстрелян.

Нина Дубовик